

ПРОБЛЕМА ДРЕВНЕЙШЕГО НАСЕЛЕНИЯ МАЛОЙ АЗИИ, КАВКАЗА И ЭГЕИДЫ

П. Н. Ушаков

Топонимика как вспомогательная область исторического изучения имеет существенное значение для подступов к разрешению проблемы этногенезиса¹.

Конечно, решать вопросы о древнейшем населении той или иной страны без знания ее древней истории и языков древнейших народов, заселивших ее, на базе одних названий местностей—задача безнадежная.

Если для древней истории территории России топонимика принесла несомненную пользу², то этот результат представляет собою счастливое исключение. В тех областях, где были часты смены народностей и население являло с древности картину пестроты, подобный метод не дает реальных результатов. Действительно, попытка, например, проф. А. Хаханова применить грузинский язык к истолкованию названий местностей Малой Азии, осуществленная им в работе «Древнейшие пределы расселения грузин по Малой Азии» (Записки Кавк. отдела Русского географ. о-ва, кн. XXII, вып. 6, Тифлис, 1903, 70 стр.), при всей увлекательности отдельных толкований не дала ни одного прочного и надежного объяснения. При словарном богатстве такого древнего культурного языка, каким является грузинский, нетрудно по звуковому сходству подыскать этимологию различным топонимическим названиям, но такие опыты останутся всегда шаткими, пока не установлен прочно факт связи древней истории изучаемой территории с данной народностью³.

По отношению к топонимике Эгеиды, Малой Азии и Кавказа необходимо знание языков заселявших их древних народностей. А этого знания 50 лет назад историки не имели. До двадцатого столетия древняя история Малой Азии представляла собою область, почти совершенно недоступную науке. В то время как египтология и ассириология достигли уже крупных успехов и осветили даже чрезвычайно далекое прошлое Египта, Палестины и Месопотамии, относительно истории Малой Азии приходилось удовлетворяться скромными материалами, разбросанными в произведениях древ-

¹ Из специальных журналов, всецело посвященных исследованиям по топонимике, надо отметить выходящий в Мюнхене с 1925 г. ZONF.

² См., например, работу Max Vasmer, Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas (SPAW, phil.-hist. Klasse, 1935, XIX, стр. 507—594).

³ А. Хаханов, например, для названий одной реки и одной деревни в Малой Азии, начинавшихся на Ор-, искал объяснений в грузинском числительном *ogi* «два», хотя это числительное в других картвельских языках звучит иначе и древнейшая форма его неизвестна.

негреческих авторов, и извлекать кое-что из греческой эпиграфики и совсем мало из некоторых эпиграфических памятников поздних эпох на местных языках (ликийские, фригийские надписи).

Правда, из древнегреческой традиции можно было узнать имена народов Малой Азии и ряд соответствующих собственных имен, но и эти сведения не отличались большой ясностью. Значительное количество ликийских надписей из юго-западного угла Малой Азии стало известным начиная с начала XIX столетия, но лидийские—в достаточном числе открыты были только раскопками американцев в Сардах в 1916 г. О состоянии этих двух языков в V—IV столетиях до н. э. в настоящее время материал имеется довольно обильный, но фригийские надписи во Фригии и карийские графитты, оставленные карийскими наемниками на скалах в Египте, дают так мало, что знание фригийского остается совершенно недостаточным, а о карийском нельзя даже составить ясного представления¹.

О языках других малоазиатских народов первого тысячелетия до н. э. и первых веков после ее начала, а именно о каппадокийском, пафлагонском, ликаонском, мизийском, писидийском², мы ничего пока не знаем, если не считать большого количества собственных имен, внимательно собранных и сопоставленных в работе И. Сундвала³.

Древнегреческие писатели так скупо сообщают о народах и языках Малой Азии, что даже подсчитать число языков и определить приблизительное родство их между собою представляется невозможным. Например, во времена Страбона лидийский язык в Лидии, повидимому, уже исчез, сохраняясь только в горах Кабирии. У него (XIII, 4, 17) читаем: «Кабираты пользуются четырьмя языками: писидийским, солимским, греческим и лидийским, а от лидийского уже нет и следа в Лидии». Страбон отмечает, что лидийцы, мизийцы и карийцы—«братья». Далее, древние передали нам сказание о происхождении этрусков Италии от лидийцев. Между тем, сравнение этрусского и лидийского языков, насколько они ныне известны по сохранившимся надписям, близкого родства этих двух языков не устанавливает.

Несмотря на скудость сведений, по вопросу о языках и народах Малой Азии в I тысячелетии до н. э. классическая филология все же давала возможность иметь хоть какое-нибудь суждение. Для II тысячелетия до н. э. Малая Азия вплоть до открытий в Богазкее представляла собою в полном смысле слова белое место. Можно было еще гадательно говорить о языках троянцев, тевкров, пеласгов, ахейцев, но совсем уже не было данных для суждения о населении областей Малой Азии, не соприкасавшихся с Эгейским морем. Полный переворот в науке здесь произведен рядом открытий и достижений за последние тридцать три года (1906—1939), которые выдвинули вперед, наряду с египтологией и ассириологией, новую отрасль исторического исследования—хеттологию.

За последние десятилетия крупные успехи в области истории древнего Востока и археологические раскопки привели к созданию сверх того новой дисциплины: восточной филологии, изучающей древние языки Передней и Малой Азии на основе обильных и новооткрытых и ранее известных эпиграфических памятников. Первое место здесь занимают

¹ Cp. A. H. S a u c e, The Karian language and inscriptions («Transactions of the Society of Biblical Archaeology», v. IV, 1893, стр. 112—154); J. S u n d w a l l, Zu den karianischen Inschriften («Klio», 1911, B. XII, H. 4).

² Впрочем, о писидийском языке некоторое понятие дают краткие надписи, найденные в 1890 г. близ деревни Софулан. См. статью W. B r a n d e n s t e i n, Die Sprache der Pisider, AOf, 1933, B. IX, стр. 52—54.

³ «Die einheimischen Namen der Lykier» (Beiheft zur «Klio»), 1913.

раскопки в Богазкеое (150 км к востоку от Анкары), где найдено до 27 000 табличек с клинописными текстами на хеттских языках, далее, находки французских ученых в Рас-Шамре в Сирии с 1929 г. и лидийские надписи, откопанные в достаточном числе в развалинах Сард американскими учеными.

В настоящее время известно около двух десятков древних языков передне-азиатского мира. Из середины II тысячелетия до н. э. дошли и изучаются по документам богазкеойского архива хеттских царей языки: протохеттский, или хаттийский, харрийский (он же митаннийский), неситский и лувийский. Древнейшим из них считается хаттийский наряду с ранее известным эламским, распространенным на территории южного Ирана, и шумерийским, господствовавшим ряд тысячелетий в Месопотамии.

Государственный язык хеттской империи, неситский, и лувийский носят, как находят все исследователи, индоевропейские черты, подобно и расшифрованному за последние семь лет языку хеттских иероглифов на памятниках от XII до VII вв. до н. э., найденных в Сирии и Малой Азии. Прочтение этих иероглифических документов, как известно, осуществлено одновременно рядом ученых: чехом Б. Грозным, американцем И. Гельбом, далее, Пьеро Мериджи, Г. Боссертом и Эмилем Форрером. В древней Малой Азии отмечено, таким образом, три индоевропеоподобных языка древнейшего типа.

Для топонимики определенное значение имеют также более поздние языки Малой Азии—лидийский и ликийский—и распространенный значительно восточнее более древний урартский, или халдский; надписи клинописью на камне на последнем языке являются в СССР предметом многих работ, так как они найдены не только вокруг Ванского озера, но и на Кавказе—в пределах советской Армении. Число их превышает полторы сотни. Лидийских надписей в настоящее время известно 54. Изучение их открыло нам структуру одного из своеобразных языков запада Малой Азии.

Перечисленные древние языки можно разделить на две группы. Часть их—древнейший хеттский («протохеттский»), эламский и шумерийский представляют собою языки древнекавказского типа. Другие—по всем данным, входили в совершенно особую лингвистическую семью эгейских языков; название для них предложено Гунтером Ипсеном¹. Три «хеттских» языка индоевропейского типа во всяком случае надо считать позднейшим явлением—результатом взаимодействия племен, столкнувшихся на почве Малой Азии.

Наконец, положение хурри-митаннийского языка, иначе именуемого субарейским, еще не вполне ясно. К числу эгейских причисляют лидийский, ликийский, карийский, этрусский и территориально более удаленный от Эгеиды—халдский. Известный исследователь культуры и памятников халдов Карл Фридрих Леманн-Гаупт, скончавшийся в июне 1938 г.², упорно выводил их из западных районов Малой Азии, а Вильгельм Бранденштейн нашел в халдском ряд черт, поразительно схожих с лидийским³.

Таким образом, для решения проблем топонимики Малой Азии и смежных стран в настоящее время имеются довольно богатые и весьма

¹ G. I p s e n: 1) статья «Индogerманцы и древний Восток» в сборнике «Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft», 1924; 2) рецензия на книгу Fr. Schachermeier, «Etruskische Frühgeschichte», Berlin, 1929, — «Indogerm. Forschungen», 1932, В. 50, Н. 4, стр. 291—296.

² Некролог Леманна, составленный проф. Вейднером, см. в журнале АOf, 1938, Н. 4—5, стр. 314.

³ W. B r a n d e n s t e i n, Die lydische Nominalflexion. Caucasia, № 9—10.

разнообразные материалы, и их использование поможет выяснить ряд вопросов этнологического и исторического характера.

До сих пор по строгости научного метода сохраняет свое значение первая работа, коснувшаяся топонимики Малой Азии и Греции,—книга профессора Пауля Кречмера «Введение в историю греческого языка»¹.

Кречмер, анализируя сохраненные древними названия местностей с обеих сторон Эгейского моря, подчеркнул общность суффиксов *-ssa-*, *-ssos-*, *-nda-* у множества этих названий и дал сводку одинаковых по корню и окончанию топонимических обозначений в Малой Азии и Греции. На изучении этого материала он построил свой тезис об общности языка древнейшего, догреческого населения Греции и Малой Азии и пришел к выводу, что до греков в Греции жили народы, говорившие на «эгейских» языках. Уточнить в то время эту предположительную картину не представлялось возможным ввиду отсутствия знания эгейских языков. Знакомство с ними тогда сводилось к изучению ликийских надписей, к ничтожным по количеству и неполноценным по качеству глоссам древнегреческих писателей о лидийских словах и к некоторому запасу собственных имен из районов Лидии, Карики, Киликии и т. д.

За последние годы успехи восточной филологии дали возможность историкам и в том числе самому Паулю Кречмеру взглянуть на вопросы топонимики Малой Азии с новой, более глубокой точки зрения. Новое в проблему древнейшего населения Греции и Малой Азии внесли именно его статья «К древнейшей языковой истории Малой Азии» (1932)² и работы Эмиля Форрера, в частности «О расслоении народов и языков на доисторическом Ближнем Востоке» (1930)³.

Взросшее знание хеттских языков открыло возможность решения вопроса о том, какой этнической группе география древней Греции и Малой Азии обязана изобилием названий местностей, оканчивающихся на *-inthos*, *-inda*, *-anda* и *-ssa*, *-ssos*.

Эмиль Форрер выставил положение, что топонимические названия на *-ssa* возникли под влиянием лувийцев, в языке которых отмечают данный суффикс. В своем труде по древнейшей истории Малой Азии⁴ Альбрехт Гетце под гипотезу о заселении Греции хеттами-лувийцами, говорившими на языке «индоевропеоподобного» типа, подводит серьезную археологическую базу, причем высказывания Форрера о лувийском характере именовании местностей в Греции, в западной части Малой Азии с окончанием на *-ssa*, *-ssos* дали ему сильный толчок в направлении к признанию огромной роли лувийцев на обширнейшей территории.

Однако П. Кречмер в только что названной работе с большим правом приписывает географические названия и на *-inthos*, *-inda*, *-anda* и на *-ssos*, *-ssa* влиянию древнейшего хеттского языка—хаттийского, или протохеттского, где изобилие префиксов заставляет исследователей причислять его к числу «древнекавказских», т. е., по терминологии ак. Н. Я. Марра, яфетических. Кречмер (op. cit., стр. 78) ставит вопрос: был ли хаттийский язык единственным праязыком Малой Азии, или в ней были еще другие неиндоевропейские древнейшие языки. К числу последних

¹ P. Kretschmer, Einleitung in die Geschichte der Griechischen Sprache, Göttingen, 1896.

² Paul Kretschmer, Zur ältesten Sprachgeschichte Kleinasiens («Glotta», 1932, B. XX, H. 2, стр. 76—100).

³ E. Forrer, Stratifications des langues et des peuples dans le Proche Orient préhistorique (JAs, 1930, t. 217, № 2, стр. 227—251).

⁴ Albrecht Götzke, Kleinasien («Handbuch der Altertumswissenschaft», begründet von Iwan von Müller, Abt. III, Teil I, B. 3, «Kulturgeschichte des Alten Orients». München, 1933).

он относит хурритский (харрийский) и халдский (урартский), но наибольшую древность признает за протохеттским (хаттийским).

«Хаттийцы создали имена местностей со своим суффиксом -ss-, они основали много городов и были творцами городской культуры малоазиатско-эгейского мира». Этот взгляд нуждался в подтверждении. И топонимика древней Греции дает указания, подкрепляющие мысль о первоначальном заселении эгейско-малоазиатских территорий протохеттами. В самом деле, хаттийский язык богат префиксами, которые уже изучены и известны¹. Хаттийский язык образовал множественное число имен существительных при помощи префикса *le-*. Если хаттийцы (протохетты) действительно составляли древнейшее население Греции, то этот префикс следует искать в древних топонимических наименованиях. И вот удалось выявить названия местностей, поддающиеся толкованию на этой почве. Интересный материал в этом отношении дает статья Эм. Форрера «Источник и колодец в древней Передней Азии»².

На протохеттском языке слово *arinna* (*arna*) означало «источник, ключ»; в середине II тысячелетия до н. э. в Малой Азии известен был город *Arinna*. Район, где было много ключей, по-протохеттски должен был именоваться *le-arna*, *lerna*—Лерна. И вот в древней Греции существовала местность, прославленная легендой о подвиге Геракла—Лерна (*Ἰέρνα*)³, где, по сказаниям, среди болот, возникших из слияния источников, обитала многоголовая змея—лернейская гидра, которую поразил Геракл. В. Бранденштейн и Э. Форрер предложили этому географическому названию хаттийскую этимологию. Однако этим можно не ограничиваться. Название древнего народа, населявшего Грецию до греков,—по греческим сказаниям, *л е л е г и*⁴—вне всякого сомнения, также содержит в себе протохеттский префикс множественного числа.

Из географических названий протохеттскую этимологию имеют еще именованья местечек: на острове Крите—Фаласарна и в Мизии—Алисарна (*ἡ Ἀλισάρνα*)⁵.

Согласно глоссе Стефана Византийского к слову «Алабанда», *ἀλα* карийски «лошадь», а на о. Крите это же слово *φάλα*.

В Греции известен был священный источник Гиппокрена (*Ἱπποκρήνη*), что означает «конский ключ»⁶. Вода этого источника вдохновляла поэтов. Фалас-арна имеет такое же значение—«Лошадиный источник». (Ср. в Грузии реку Цхенис-цхали, что значит «Конская вода».) Хотя слово «конь» на протохеттском языке до нас не дошло, но толкование «арна» (по-протохеттски «ключ, источник») и близость карийского языка к хеттским позволяют допустить, что термин «фала»—«конь» на Крите унаследован от протохеттов, как и его вариант «хала, хали».

Другим префиксом, игравшим в протохеттском языке большую словообразовательную роль, как указал Э. Форрер (в статье «Quelle und Brunnen...», стр. 190), являлся «*ga-*, *ka-*». Он являлся префиксом местностей,

¹ См. уже в работе E. Forrer, Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches (ZDMG, 1922). Ср. A. H. Sayce, Protohittite (JRAS, April 1924).

² E. Forrer, Quelle und Brunnen in Alt-Vorderasien («Glotta», XXVI, 1938).

³ Ср. Albr. Blumenthal, Zum *le-*Präfix in griech. Ortsnamen (ZONF, XII, 64), где сопоставляется *Λεπατάλειον* на о. Родосе с *Πάταλος*—островом у берегов Карики.

⁴ W. Brandenstein, в журнале ZONF, XI, 64, где автор связывает *Λέξ* (ед. число) с *Δέλεγες*.

⁵ RE, s. v.; Kretschmer, Einleitung in die Geschichte d. griech. Sprache, стр. 406. Ср. еще название дема на острове Косе *Ἀλοσάρνα*. Сюда же *Τάβρυς* (по Кречмеру, связано с карийским *τάβα* «скала»), означавшее «источник, бьющий из скалы». Он находился у гор. Магнезии, на берегу реки Меандр.

⁶ RE, B. VIII, Sp. 1853—1857.

например — город Ка-неш — протохеттская форма названия города, а в хеттском неситском ему соответствует гор. Неша, Неса. В названии народов касков и мосхов (ассир. ka-škaja, mi-škaja) слоги *ka* и *mi* также, повидимому, префиксы; оба термина означали понятие «поморяне», если *skl* связывать с неситским *sakui* «озеро».

На острове Сицилии в древности известна была река Какипарис; по Гезихию, там же был источник Кипара¹. В корне «кип, куп» можно видеть эгейское слово «вода», имея в виду то обстоятельство, что по-лидийски «вода»—*koŋu*. *Ka-xúπα-ρις* можно толковать как «место источников», т. е. «река, богатая источниками». Во всяком случае *Sonway* настаивает на связи Ка-кипарис и Кипара. Если может показаться, что толкования названий рек в данном случае на базе древних азиатических языков (лидийского и протохеттского) заходят в слишком отдаленные от Малой Азии районы, то относительно Сицилии можно сослаться на уже давно отмеченный П. Кречмером факт нахождения на этом острове двух названий, указывающих на связи в древнейшие времена вселявшихся на остров племен с переднеазиатским миром: в западной Сицилии город Элима и холм Элимос ('Ελιμα, 'Ελιμος, Дион. Галикарн., I, 52—53) и племя лилибеи (Λιλιβαίων у Диод., Λιλιβαίτις — в надписях); эти названия поразительно схожи с именем эламского племени лулуми, лулубеи в горах Загроса и с именованьем Элама (P. Kretschmer в журнале «Glotta», 1926, В. XVI, стр. 319).

Префикс *le-* (resp. *li-*) можно видеть и в названии реки Ликии Лимир (Λίμιρος) и ликийского города Лимира (Λιμίρα), если сравнивать последний с городом (также в Ликии) Мира (Μύρα) и городом в Эолиде (Греция) Мирина (Μυρίνα).

Но особый интерес, мне кажется, представляет сопоставление названий Педас, Педасис, Педалиа с Лепадеа (Πήδασος, Δεπάδεια). По схолиасту Никандру², слово Педасос на «языке лелегов» обозначало гору. Известны четыре горных города Педаса: один—в Мессении, другой—на берегах Сатниоеиса, третий—близ Кизика и четвертый—в Малой Азии, в Карию. Таким образом, и название города Лепадеа в Греции включает в себе хаттийский префикс множественного числа *le-* и лелегское слово «гора». Отсюда напрашивается вывод, что лелеги—древнейший народ Греции—говорили на языке протохеттского типа. Но население Греции в течение веков менялось и представляло пеструю картину. Надо допустить, что на протохеттов лег другой слой, говоривший на языках неиндоевропейского вида. До сих пор недостаточное внимание обращали на хурритов, или харрийцев, как вероятных насельников Греции эпохи микенской культуры. Хурритский, или, вернее, харрийский, язык, как его характеризует уже Ferdinand Vogt³, отличался отсутствием префиксов и чрезвычайным богатством и разнообразием инфиксов и суффиксов, точнее—подвижных частиц, прилипавших к корню, но и легко сменявшихся, что указывает на агглютинативный тип языка. Э. Форрер (op. cit.) выставил гипотезу о приходе хурритов, с востока; он выводит их из Туркестана, т. е. Средней Азии. Но это предположение не имеет под собой прочной почвы. Раскопки в Рас-Шамре установили, что в гор. Угарите, т. е. в северной Сирии, уже во

¹ Глосса Гезихия гласит: *Κοπάρα· ἢ ἐν Σικελία κρήνη Ἀρέθουσα*; см. *Sonway*, *The praetialic dialects of Italy*, v: II, p. 479—492, 1933, London.

² *М а с п е р о*, *Древняя история народов Востока*. Москва, 1911, стр. 245, примеч. 4. К корню *ped, bad* можно отнести еще *Δεπάδεια*, город Беотии, и *Δεζεός*, город Ионии (*Strabo*, *Geogr.*, Parisiis, 1855, Index, стр. 840).

³ «*Die Mitanni-Sprache*» («*MVAG*», 1909), и *E. Forrer*, цит. работа в *ZDMG*, 1922.

II тысячелетии до н. э. население говорило на диалекте харри-митаннийского языка¹. Этот факт говорит за то, что племена, говорившие по-харрийски, могли проникнуть с Запада в северную Месопотамию, где, как известно, расположено было царство Митанни. Если считать харрийцев-хурритов одной из древнейших эгейских народностей, то при помощи харрийского языка и харрийского пантеона можно истолковать ряд названий в древнейшей Греции. Так, имя упоминаемого уже Гомером (Od., III, 292/3) на острове Крите народа кидонов (Κύδωνες) созвучно с известным из текста письма царя Митанни Тушратты харрийским словом hutappu «войны», представляя закономерное соответствие последнему, основанное на обычной в харрийской и хеттской клинописи замене звонких согласных глухими.

В названиях городов в Греции: Тисба, Теспии (Θίσβη, Θέσπια) — можно видеть имя коренного хурритского (или, как некоторые предлагают именовать, субарейского) божества Тешуба, Тишупа²; наконец, в древнейших греческих преданиях упоминается город Орхомен в северной Греции как центр микенской культуры. В этом названии, в его первой части отложилось харрийское слово urhi, образовывавшее в хеттскую эпоху ряд собственных (царских) имен, как то: Урхи-Тешуб и т. д. Между харрийским языком, с одной стороны, и эгейскими языками I тысячелетия до н. э., с другой — существуют черты сходства; как установлено последними исследованиями³, эргативный падеж на -s является общим и митанни-харрийскому и урартскому языкам, так же как и пассивный падеж на -n. П. Кречмер («Glotta», В. XX, Н. 2) подчеркивает роль хурритов как второго после протохеттов этнического слоя эгейско-малоазиатского мира. Что касается влияния хурритов на хеттскую культуру Хаттушаша-Богазкеоя, то известно, что хурриты около середины II тысячелетия до н. э. владывали в Хаттушаше в течение 200 лет, составили господствующий слой хеттской империи; установлено, что хурритский язык не менее протохеттского оказал глубочайшее влияние на образование и развитие хеттского государственного языка индоевропеоподобного типа, а именно неситского⁴.

Эгейская (крито-микенская) культура оставила после себя ряд эпиграфических памятников. Уже Артур Эванс, как известно, при раскопках дворца в Кноссе нашел в большом количестве таблички с линейным письмом двух видов (А и В). Далее открыты были предметы с такими же знаками на континенте⁵. Найденная при раскопках также на о. Крите в Фесте глиняная тарелка, исписанная с обеих сторон особыми иероглифами, показала, что в крито-микенскую эпоху применялись и иные виды письма. Недавно на о. Крите открыт бронзовый топор с такими же, как на «фестском диске», письменами, относимыми к XVI в. до н. э. Пока расшифровка эгейского письма еще далека от завершения, но интерпретаторы находят, что имеющиеся письменные памятники составлены на двух языках; судя по расположению тех или иных значков и иероглифов в отдель-

¹ J. F r i e d r i c h, Das Subaräische von Ras-Shamra. Deimel Festschrift, 1936, стр. 126—131.

² Наричательное греческое θεῖος «божественный» также этимологически связано с именем бога Теšup. О древности культа бога Тешуба у субарейцев см. G. R. M e y e r, Die älteste Erwähnung d. hurrischen Wettergottes Tešup, AOf, 1939, В. XII, Н. 6, стр. 366—371).

³ E. A. S p r e i s e r, Progress in the study of the Hurrian language (BASOR, № 7, 1939, стр. 6).

⁴ G. C o n t e n a u, La civilisation des hittites et des mitanniens. Paris, 1934; A. G ö t z e, Kleinasien.

⁵ J. S u n d w a l l, Zur vorgriechischen Festlandschrift. «Klio», В. XXII, Н. 3, стр. 228—231, и того же автора «Alt-kretische Urkunden-Studien». Abo, 1936.

ных словах или группах знаков, они (Гунтер Ипсен¹, Сундваль) полагают, что один язык имел префиксальный характер, в другом же надо констатировать полное отсутствие префиксов. В связи с указаниями топонимики можно предполагать, что первый язык—протохеттского типа, а второй—субарейского (харри-митаннийского). В одном древнеегипетском тексте из эпохи Среднего царства приводится заклятье на языке кефтиу, как египтяне называли эгейцев². Структура приводимой фразы на древнеэгейском языке и богатство слов гласными заставляют признать его близким к типу ликийского, урартского, лидийского языков.

Попытки в топонимике древней Греции искать влияний ставшего недавно (после 1916 г.) известным лидийского еще не делались, но ряд исследователей пытался применить к этой области скудное знание этрусского языка, родиной которого часть историков (в их числе Шахермейр³) продолжает считать Малую Азию. Karl Oštir обратил внимание на сообщение Стефана Византийского: Τετράπολις τῆς Ἀττικῆς ἔχουσα δῆμους καὶ πόλεις τέσσαρας... αὕτη πρότερον ἔκαλεῖτο Ὑττήνια. Он высказал, базируясь на этой глоссе, предположение, что город из четырех демов (общин), называвшийся в древнейшие времена Hyttenia, что означало на древнем эгейском языке «четвероградие», получил позднее греческое название Tetrapolis («четвероградие») потому, что это последнее имя только перевод первого, древнейшего. Разлагая имя Hyt-ten-ia, он усмотрел в hyt этрусское числительное huth «четыре». Эта догадка была одобрена Паулем Кречмером («Glotta», 1926, Н. I) и принята Шахермейром, но не признается этрускологами Кортсеном и Гольдманом⁴. Кречмер далее предложил некоторым древнегреческим словам этрусскую этимологию. Допуская даже большую пестроту древнейшего населения Греции, настаивать на его этрусском характере не представится возможным, но эти сопоставления ценны как указания на роль в Греции эгейских языков, к числу которых, кроме лидийского, ликийского и урартского, возможно относить и этрусский.

Тот же Кречмер название холма в Афинах Ἀρδηττός сближает с именованьем бога солнца у халдов Ардини. Имя халдских царей Менуа(е) напоминает Миноса древнегреческих легенд и т. д. Учитывая все это, возможно предложить некоторые сопоставления и с лидийской лексикой. В древней Греции встречаем названия речек Κηφιστός. Одна из них протекает у самого города Афин. В обнаруженной среди лидийских надписей лидийско-арамейской билингве, давшей ключ к пониманию лидийского языка⁵, находим слово kofu «вода», значение которого стоит вне всякого сомнения ввиду соответствия слову такого же значения в арамейском тексте. Во многих языках понятия «вода—река, речка» обозначаются одним словом⁶; возможно также, что термин kofu в эгейских языках имел более общее значение—«водная стихия, море».

¹ G. Ipsen в журнале «Indogerm. Forsch.», XLVII, 1 f. доказывает, что надпись фетского диска составлена на языке, богатом префиксами.

² J. Friedrich, Kleinasiatische Sprachdenkmäler. Berlin, 1932, стр. 150.

³ Fritz Schachermeier, Etruskische Frühgeschichte. Berlin, 1929.

⁴ E. Goldmann, Neue Beiträge zur Lehre vom indogermanischen Charakter der etruskischen Sprache. Wien, 1936. Ср. еще по этому вопросу работы: A. Konnengieser, Aegäische, besonders kretische Namen bei den Etruskern («Klio», 1911, В. 11, Н. 1, стр. 26—47); Blumenthal, Hyttenia («Klio», 1932, В. 25, Н. 1—2, стр. 32—35) и Sophus Bugge, Der Ursprung der Etrusker durch zwei lemnische Inschriften erläutert. Oslo, 1886.

⁵ P. Kahle u. F. Sommer, Die lydisch-aramäische Bilingue («Kleinasiat. Forschungen», В. I, Н. 1, 1927); ср. Б. В. Казанский, К истолкованию лидийских надписей (ИАН, № 3, 1935).

⁶ Ср. в осетинском доп—«вода, река».

Принимая это положение, получим толкование египетскому обозначению эгейцев «кефтиу», что значило «народы моря», как описательно те же эгейцы именуются в древнеегипетских текстах. Во всяком случае названия рек Кефиссос в Аттике¹ и в Фокиде (Геродот, VIII, 33) этимологически связаны с данным лидийским (т. е., по всей вероятности, общеэгейским) корнем. К этому корню добавлен суффикс -ss-, характерный, как давно признано, для эгейских топонимических названий. Возникновение Лидии и этногенез лидийцев связаны с переселением народов около 1200 л. до н. э., которое привело к гибели хеттскую империю и к разрушению ее столицы Хаттушаш. В настоящее время сожжение и уничтожение Хаттушаша, уцелевшие клинописные архивы которого доводят историю хеттов приблизительно до 1210 г., приписываются кашкам (гасгейцам), заселявшим Черноморское побережье Малой Азии². Эти кашки под названием kaškaja упоминаются в ассирийских летописях Тиглат-Паласара I (около 1100 г. до н. э.) как воинственный народ, угрожавший Ассирии вторжением³. Разбитые ассирийцами кашки должны были уйти в северо-восточном направлении (вместе с мушками) и положить начало культуре и царству колхов⁴. С другой стороны, часть кашков должна была оказать влияние на смежную с первоначальной территорией их расселения Лидию. Язык кашков неизвестен, но Э. Форрер считает его близким к протохеттскому. Допустимы в нем, однако, также элементы, общие с урартским и лидийским. Исходя из последнего положения, следует искать в топонимике древнего Кавказа черты сходства с лидийско-эгейскими названиями. И вот такое сходство выявляется в одном из древних именовании реки Кубани— $\text{K}\omega\phi\acute{\eta}\nu\eta$. Правда, оно засвидетельствовано только у византийских писателей и лишь с VI в. н. э.⁵ Но нет оснований сомневаться в глубокой древности этого термина. Приписывая это название реки колхам, следует дать ему ту же этимологию, т. е. выводить из лидийского, гесп. общеэгейского, корня kofu—«вода-река». Сопоставляя признаваемое нами за колхское название реки Кофене с эгейскими именованиями речек в Греции Кефис, отмечаем колебание предупредительной гласной: в восточной части Малой Азии и на Кавказе имеем *o*, в Греции ему соответствует *\eta*. Отсюда также огласовка уже в египетском именовании эгейцев кефтиу—«поморяне».

Древняя топонимика Кавказа, конечно, гораздо беднее по фактическому материалу топонимики Малой Азии. Только дальнейшее накопление сведений даст возможность ориентироваться в названиях колхской эпохи. Однако уже имеется источник, откуда можно извлечь ряд названий, связанных с колхами. Это—урартские (халдские) клинописные надписи. Открытая археологической экспедицией, под руководством ак. Н. Я. Марра и с участием ак. И. А. Орбели, в 1916 г. у Ванского озера большая халдская надпись царя Биайны Сардура содержит упоминание⁶

¹ P. K r e t s c h m e r, Einleitung..., стр. 405.

² E. C a v a i g n a c, L'extension de la zone des Gasgas à l'Ouest (RHA, 1931, № 3, стр. 101—110).

³ D. D. L u s k e n b i l l, Ancient records of Assyria and Babylonia. V. I, Chicago, 1926, стр. 74, 77, 101.

⁴ См. Акад. И. А. Д ж а в а х и ш в и л и, История грузинского народа (Тбилиси, 1928, т. I, на груз. языке). Автор считает формы «каски» и «колхи» диалектическими вариантами.

⁵ У Менандра. См. Georgica. Scriptorum byzantinorum excerpta ad Georgiam pertinentia. Tomus III, Trphilisii, 1936, стр. 207, 235, с комментариями проф. С. Каухчишвили.

⁶ Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Доклады Н. Марра и И. Орбели. Петербург, 1922, стр. 47—48 «в страну Куульхаиди», стр. 49 и 65 «город Ilda-muša». В столбце III, строка 9, неправильное «восстановление»—«страна (Ar)hai» вместо «Kuul-hai».

о стране Кишһа, т. е. о Колхиде, и называет захваченный урартийцами город колхов Ида-тиша. С этим названием следует сближать в первой его части именование одной реки Закавказья, упоминаемой в халдских надписях¹, Ид-аруна. Как известно, по-протохеттски агиппа «источник», на хеттском неситском языке агипа «море». В колхском названии реки Ильд-аруна вторая часть агипа имеет, повидимому, значение более близкое к протохеттскому. Это как будто подтверждает связи колхского языка с языками протохеттского типа.

Обзор всего приведенного материала, таким образом, дает нить к установлению связей между древнейшим населением Малой Азии, Эгеиды и Кавказа. Можно говорить о двух наиболее древних общих слоях населения этих областей: протохеттах, с одной стороны, субарейцах-харрийцах, с другой. Более поздним слоем являются народы, говорившие на языках эгейской семьи I тысячелетия: лидийцы, урартийцы, ликийцы. Распространение этих эгейцев по Малой Азии и восточнее также, повидимому, захватывало обширные пределы. В итоге мы видим, что и топонимика дает указание на важность хеттологии и изучения древних языков Малой Азии для стран, смежных с нею, и для решения проблем этногенеза и освещения вопросов древнейшей истории территорий, входящих в состав СССР.

¹ В надписи из Звартноца (близ Эчмиадзина) (И. И. Мещанинов, Халдоведение, стр. 211, строка 14): «провел канал от реки Ильдаруни»—*pili Naru Ildaruniani agubi*.

